

ТАТАРЫ

Эдуард Паркер

История
возникновения
великого народа

загадки
древних
народов

Эдуард Паркер Татары. История возникновения великого народа

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=607985

*Татары. История возникновения великого народа / Пер. с англ. Т.Е.
Любовской.: Центрполиграф; М.; 2010
ISBN 978-5-227-02181-6*

Аннотация

Увлекательный экскурс известного ученого Эдуарда Паркера в историю кочевых племен Восточной Азии познакомит вас с происхождением, формированием и эволюцией конгломерата, сложившегося в результате сложных и противоречивых исторических процессов. В этой уникальной книге повествуется о быте, традициях и социальной структуре татарского народа, прослеживаются династические связи правящей верхушки, рассказывается о кровопролитных сражениях и создании кочевых империй.

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Эдуард Паркер Татары. История возникновения великого народа

Часть первая Империя хунну

Глава 1 Ранние сведения о хунну

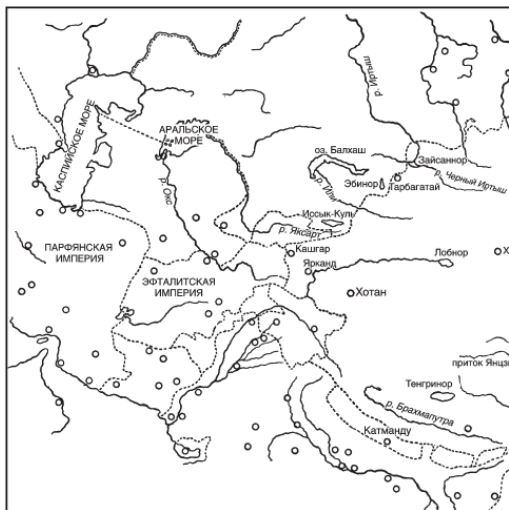
Подлинная история кочевых племен Восточной Азии ведет свой отсчет приблизительно с того же времени и развивается почти тем же путем, что и история северных народов Европы. Китайская империя, подобно империи Римской, обязана своим процветанием открытиям и завоеваниям, результатом которых стали более тесные контакты между народами и их взаимная ассимиляция, непрерывные пограничные конфликты и глобальное смещение политических центров. Подобные процессы происходили также в Греции и Персии.

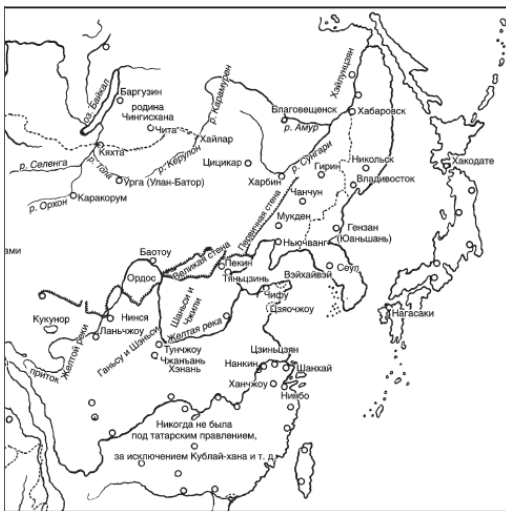
В отличие от китайских и римских авторов Геродот, рассказывая о скифах, делал акцент скорее на воссоздании картины жизни и обычаев этого народа, чем на изложении его политической истории. И все же рассказ Геродота соответствует нарисованному китайцами портрету хунну, с одной стороны, и представлению римлян о гуннах – с другой. Поскольку этимологическая связь хунну Китая с гуннами Запада едва ли может быть подкреплена неопровержимыми доказательствами, ограничимся простым изложением фактов, зафиксированных в китайских источниках, оставляя за читателем право на собственную точку зрения и стараясь не выдвигать беспочвенных гипотез.

В тот период, к которому относится начало нашего рассказа, китайцы ничего не знали о японцах, бирманцах, сиамцах, индусах, туркестанцах. Они имели весьма слабое представление о Корее, тунгусских племенах, народах, населяющих территорию к югу от великой реки Янцзы, и тибетских кочевниках. Внешние сношения Китая фактически ограничивались контактами с верховыми кочевниками севера. В древности они были известны под разными именами, более или менее близкими по звучанию к вышеупомянутому названию, принятому во всеобщей истории. Однако ошибочно было бы предполагать, как это делают многие европейские авторы, что название «хунну» вошло в употребление лишь со II века до н. э. Историк Ма Дуаньлинь, живший шестьсот лет назад, сам опровергает этот факт и приводит цитаты из

двух источников, стремясь доказать не только то, что название это было в ходу задолго до указанного времени, но также и то, что общность, о названии которой идет речь, уже стала довольно значительной. Сами китайцы не уделяли большого внимания хунну вплоть до 1200 года до н. э., когда член правящей семьи, возможно совершивший какой-то проступок, бежал к кочевникам севера и основал там что-то вроде династии. Несмотря на то что на протяжении многих столетий, до 200 года до н. э., северные государства Китайской империи конфликтовали с этими кочевниками, не осталось письменных свидетельств об их племенах и престолонаследии. О них известно столько же, сколько о скифах из рассказов Геродота. Столь же мало было известно о тунгусах или восточной ветви кочевников, с которыми китайцы вступили в тесный контакт лишь двумя столетиями позднее. Куда большими сведениями китайцы располагали о великом кочевом народе хунну. Позднее для обозначения различных однородных племен, формировавших империю хунну, использовались слова «тюркский» и «тюрко-скифский». Однако слово «тюрк» было совершенно неизвестно до V века н. э., следовательно, мы пока не можем говорить о «тюрках», поскольку это было бы хронологической ошибкой. Так же обстоит дело со словом «татары». Любопытно, но китайцы использовали его, наделяя тем же неопределенным смыслом, что и мы. Это слово не встречалось в истории в какой бы то ни было форме до II века н. э., но и после этого, как и впослед-

ствии с «тюрками», оно употреблялось в отношении одного небольшого племени. Таким образом, что бы мы ни думали об отождествлении слов «хунну» и «гунны», совершенно ясно, что у китайцев не было другого названия для верховых кочевников Северной Азии, едящих мясо и пьющих кумыс, точно так же как и у европейцев название «гунны» являлось единственным для верховых кочевников из Северной Европы, едящих мясо и пьющих кумыс. Эти кочевники появились в Европе после того, как правящие касты хунну были изгнаны из Китая. Более того, скифы Геродота, столкнувшиеся с греками и персами, вели в точности такой же образ жизни, как хунну из Китая и гунны из Европы. Таким образом, мы можем прийти к выводу, подкреплённому разрозненными свидетельствами, что между этими тремя народами существовала некая этнографическая связь.

Карта 1

Набросок карты, основанный на карте Азии, составленной Варти

Кочевой народ хунну жил на коне. «Их страной была лошадиная спина». Они переезжали с места на место, перегоня свои стада и отары в поисках новых пастбищ. Лошади, крупный рогатый скот и овцы – вот их обычное имущество. Однако время от времени в их стадах появлялись верблюды, ослы, мулы и другие представители семейства лошадиных, которых невозможно идентифицировать. Возможно, одним из них был онагр (дикий осел) из Ассирии и Центральной

Азии. Хунну не строили городов и других поселений подобного рода, но, хотя они и не задерживались подолгу на одном месте, каждому племени отводилась определенная территория. Поскольку они не занимались земледелием, у каждого шатра, или семейства, был свой персональный участок земли. У хунну не было письменности, и потому все приказы и прочие административные акты передавались изустно. С самого раннего детства хунну учились ездить верхом на овцах и охотились на крыс или птиц при помощи крошечного лука и стрел. По мере взросления объекты охоты менялись, теперь целью охотников были лисы и зайцы. Каждый взрослый мужчина, способный натянуть лук, становился воином. Все, стар и млад, питались мясом и молоком. В качестве одежды они использовали шкуры убитых животных, а поверх них набрасывали войлочные накидки. Полные сил воины всегда получали лучшее, старых и немощных презирали, им доставались крохи. На протяжении тысячи лет в Татarii процветал обычай, по которому к сыну переходили жены умершего отца (за исключением родной матери), а в наследство младшим братьям доставались жены старших. Достоверно неизвестно, кому предоставлялось право выбора – сыну или брату: возможно, брат получал наследство лишь при отсутствии сына или заменяющего его. В мирное время помимо ухода за скотом хунну много времени уделяли охоте и стрельбе. Каждый мужчина был готов к сражению или набегу. Отступление перед врагом не считалось позором. Фак-

тически, тактика ведения боевых действий заключалась во внезапных, плохо согласованных набегах, ложных маневрах и засадах. По мнению китайцев, хунну были совершенно лишены чувства сострадания или справедливости: они подчинялись единственному закону – силе. Хунну пользовались не только луками. В рукопашных схватках они демонстрировали столь же блестящее владение мечом и ножом. В некоторых древних источниках встречается упоминание о хунну, обитавших в зимнее время в пещерах; впрочем, это утверждение относится скорее к тунгусским племенам.

Нет необходимости рассматривать ранние сведения о татарских войнах, описание которых довольно смутно. Достаточно сказать, что с 1400 г. до н. э. до 200 г. н. э. встречаются краткие упоминания о столкновениях китайцев с кочевниками. В каждом случае называются приблизительные даты, поэтому эти сведения вполне можно считать историческими. Следует, однако, помнить, что ежегодная датировка китайской истории начинается лишь с 828 г. до н. э. Северные районы провинций, ныне известных как Шаньси, Шэньси и Чжили¹, находились тогда во власти кочевников. На протяжении многих столетий, во время так называемого периода «сражающихся царств», силой кочевники не уступали Китаю. Император Китая, как и его беспокойные вассальные царьки, в разные периоды заключали брачные союзы с правящими семействами кочевников, и по крайней мере один ки-

¹ Чжили – название китайской провинции Хэбэй до 1928 г. (Примеч. пер.)

тайский властитель сознательно заимствовал татарский костюм и образ жизни. Теперь возникает другой этимологический вопрос, а именно: имеет ли китайское слово «тунг-ху», или «восточные татары» (термин так же часто применяемый к предкам катаев, маньчжуров и корейцев, как название «хунну» употребляется в отношении предков тюрков, уйгуров, киргизов и т. п.), какую-либо этимологическую связь с европейским словом «тунгус». Если два этих слова никак не связаны между собой, значит, перед нами чрезвычайно любопытное совпадение, поскольку оба слова и в русском, и в китайском языках имеют одинаковое значение. В источниках упоминается и другой случай, который призван показать, что приграничные государства Китайской империи были глубоко затронуты татарским влиянием. У одного из вассальных владык был кубок, сделанный из черепа правителя– соперника, – факт столь же противоречащий конфуцианским идеям, сколь соответствующий всему, что мы знаем об обычаях хунну и скифов. В конце III века до н. э., непосредственно перед тем, как западному царству Цинь удалось разрушить старую феодальную систему и объединить Китай в единую империю, вассальное государство, под властью которого находились теперешние провинции Шаньси, Шэньси и Чжили, оказывало систематическое сопротивление вторжениям кочевников и в конце концов вынудило татарского царя вступить в открытое сражение, в ходе которого татарские войска были наголову разбиты. Потери татар состави-

ли 100 000 человек. После этого император Цинь присоединил это государство к остальным, а прославленный военачальник Мэн Тянь во главе нескольких сотен тысяч воинов был отправлен в поход на татар. Ему удалось отвоевать Желтую реку (Хуанхэ) на всем ее протяжении, включая участок излучины, теперь известный как плато Ордос. Татары были оттеснены к северу от Великой степи. Бесчисленные отряды преступников и других горемык были направлены на север для строительства военной дороги и несения гарнизонной службы. Вдоль границы было возведено около сорока крепостей и укрепленных городов. Наконец, от окрестностей современной столицы провинции Ганьсу – города Ланьчжоу – до моря протянулась Великая стена. Поскольку она отмечена почти на всех современных картах Китая, читатель облегчит себе задачу, если будет держать перед глазами такую карту. Это избавит нас от необходимости приводить многочисленные и причудливые китайские географические названия – а также и имена, которые часто варьируются в зависимости от местонахождения каждой последующей династии. Великая стена – это кровавый след, вдоль которого белеют миллионы человеческих скелетов, знаменуя собой тысячелетнюю борьбу. Надо отметить, впрочем, что Мэн Тянь с полумиллионом рабов всего лишь укрепил уже существующую стену, поскольку нам известно, что китайский царь, перенимавший татарские обычаи, уже построил Великую стену с северо-востока Шаньси до самой западной точки излучины

Хуанхэ. А незадолго до этого набирающие силу правители Цинь дальше к западу построили другую стену. К востоку приграничное царство Янь, располагавшееся на территории современного Пекина, построило Великую стену приблизительно на долготе Пекина до моря, так что Мэн Тяню пришлось лишь достроить или укрепить существующие фортификации. Позднее внесли свою лепту и различные северные династии – они добавили к Великой стене новые участки или продлили ее линию в сторону, к Пекину. Так что великолепное и почти совершенное сооружение, которое современные путешественники видят на расстоянии почти пятидесяти километров от столицы, имеет мало общего с древней Великой стеной, построенной две тысячи лет назад. Большая часть древней стены сейчас в полуразрушенном состоянии.

Глава 2

Правление завоевателя Модэ

Как мы видели, хунну вынуждены были отступить перед внушительной силой китайского императора, человека бескомпромиссного и полного великих замыслов. Можно допустить, что приписываемое ему чудовищное злодеяние – уничтожение всей литературы и ученых людей – косвенно сыграло на руку китайской культуре. Необходимость восстановления литературы и создания более удобного письменного общения для государственных нужд заставила китайцев изобрести предметы более удобные в обращении, нежели древние бамбуковые таблички, бамбуковые кисточки и заостренные стили, а также провести реформу письменности, упростив иероглифы. Как бы то ни было, Мэн Тянь, с одной стороны, считается первым строителем Великой стены, а с другой – недооцениваются его заслуги как изобретателя современной волосяной кисточки для письма. Однако компетентные китайские критики доказывают: самое большее, что он сделал, в условиях недостатка материалов, усовершенствовал бамбуковую или щетинную кисточку, уже использовавшуюся в течение некоторого времени. Хунну вынуждены были противостоять и другой, не менее мощной силе. Это был кочевой народ, известный китайцам под названием юэчжи, чья власть тогда распространялась на запад-

ную половину крупной провинции, теперь называемой Ганьсу. Судя по всему, китайцы ничего не знали об этом народе до того, как начался период слияния феодальных государств в империю Цинь. И это неудивительно, поскольку до этого важнейшего события государство Цинь единственное из всех имело хоть какие-то контакты с Западом. В то время хунну вынуждены были отступить перед всепроникающей мощью императора. Владыку кочевников (или «шаньюй», как он сам себя именовал) звали Тумань. Можно сказать, что с него и начинается писаная история кочевых империй. Новая китайская единая империя распалась почти сразу после смерти в 210 году до н. э. ее талантливого основателя. Несмотря на внебрачное происхождение, он многим был обязан правлению своего великого деда, практически своего непосредственного предшественника, который за 56-летнее правление проделал огромную работу по объединению страны. За четыре года анархии, последовавшие за крушением империи, Тумань сумел восстановить и укрепить свое пошатнувшееся могущество. Китайские военачальники, поглощенные борьбой за трон, на какое-то время забыли о северных рубежах. Тумань же, чья неприступная цитадель располагалась к северу от Великой степи, постепенно продвигался на юг и, наконец, перешел северную излучину Желтой реки, вернув себе территорию Ордоса и восстановив прежние границы с Китаем: другими словами, он снова занял восточную часть современной провинции Ганьсу. Тумань был

уже немолод и, к сожалению, находился под сильным влиянием горячо любимой им молодой супруги. По ее совету Тумань объявил своим наследником ее сына в обход законного претендента, своего сына – талантливого военачальника Модэ. Чтобы устранить Модэ, Тумань послал его в качестве заложника в соседнее государство Юэчжи, а затем напал на это государство, надеясь, что возмущенные этим обстоятельством юэчжи казнят Модэ. Однако Модэ был далеко не глуп. Вскочив на резвого коня, он целым и невредимым добрался домой. Тумань, по достоинству оценивший отважный поступок сына, незамедлительно поставил его во главе десятитысячного войска. Модэ, однако, вовсе не готов был простить отцу его предательство, совершенное под влиянием коварной жены. Он разработал план по устранению Туманя. Прежде всего, он усовершенствовал конструкцию «поющей стрелы» – *нари-кабуры* древних японцев. Модэ должен был пустить одну из таких стрел в намеченную жертву, и это являлось сигналом для слуг Модэ, они должны были немедленно стрелять в тот же объект. Опробовав свой план сначала на своей лучшей лошади, а потом на любимой супруге, наказав за неповиновение нескольких воинов, Модэ выждал, когда старый Тумань отправится на охоту, и пустил в него «поющую стрелу». Шаньюй, пронзенный стрелами, упал замертво, а Модэ немедленно возвели на трон. За его воцарением последовала массовая резня, в ходе которой погибла вся семья покойного отца Модэ. Лишь одну из вдов отца по-

щадил Модэ, чтобы согласно обычаю взять ее в жены.

В этот период тунгусы лишь немногим уступали хунну в могуществе, а между двумя народами лежало почти 500 километров степной равнины, служившей чем-то вроде нейтральной зоны. Услышав о том, что Модэ убил отца и узурпировал его трон, тунгусы направили к нему послов с требованием отдать лучших лошадей в качестве платы за невмешательство во внутренние дела хунну. Модэ был не только талантливым военачальником, но и искусным дипломатом. Он не стал слушать своих советников, выступавших за военные действия, а сделал вид, что, стремясь умиротворить тунгусов, готов удовлетворить их просьбу. Как Модэ и ожидал, тунгусы, злоупотребив его расположением, потребовали отдать им одну из его любимых жен. Желая соорудить ловушку попрочнее, Модэ, к ужасу военного совета, пожертвовал и своей женой. После этого тунгусы начали стягивать войска к своей западной границе и, придя к выводу, что положение Модэ непрочное, бесцеремонно потребовали уступить им нейтральную до того землю. Некоторые из советников Модэ готовы были отдать то, что они называли бесполезной территорией, но поплатились головами за свою неспособность постигнуть всю глубину политики, проводимой их владыкой. Модэ незамедлительно объявил войну. Всякий боеспособный гражданин государства, не успевший встать «под ружье», подлежал немедленному обезглавливанию. Дальновидные расчеты Модэ полностью оправдались:

сочтя Модэ трусливым, тунгусы пренебрегли мерами предосторожности. Их войско было жестоко разбито в ходе одной короткой кампании, стада угнаны, а большая часть населения превращена в рабов. Жалкие остатки некогда сильного народа нашли прибежище на Монгольском плато к северо-востоку от современного Пекина, где, как мы увидим позже, постепенно превратились во внушительную силу. Здесь следует обратить внимание на феномен в истории кочевых народов, который объясняет способ формирования каждого последующего государства гуннов, тунгусов, тюрков, уйгуров, китайцев, монголов и маньчжуров и в то же время доказывает невозможность определения точного местопребывания или национальной принадлежности конкретного народа. В результате этого великого сражения многие женщины перешли к новым хозяевам. Пленные юноши стали воинами. Они находились в подчинении своих командиров, но со стороны победителя осуществлялся контроль. Старики присматривали за стадами, сменившими хозяев на несколько лет, до очередного переворота. Условия жизни раба и его хозяина были схожи, единственное различие между ними состояло в том, что один выполнял работу слуги, а другой наслаждался жизнью. Тем временем женщины, смирившиеся с переходом от одного мужчины к другому, что случалось даже и в их собственных племенах, вынуждены были забыть о возможности свободного выбора. В подобных обстоятельствах основные отличительные особенности хунну и

тунгусов хотя и сохранялись, но языки их и племена смешались, обычаи взаимно ассимилировались. Могущество тунгусов исчезает. До этого китайцы мало что знали о тунгусах, да и те немногие сведения, которыми располагали, получали от хунну. По меньшей мере на протяжении двух столетий китайцы пребывали в неведении относительно этих племен. У тунгусов, насколько нам известно, не было никаких отношений с Китаем.

Модэ был одним из величайших завоевателей в мировой истории, его по справедливости можно назвать Ганнибалом Татари. Даже от самых образованных европейцев нередко можно услышать высокопарные фразы о «владыке мира», об «установлении контроля над всеми народами земли», хотя в действительности речь шла о небольшом уголке Средиземноморья или кратковременной экспедиции в Африку, Персию или Галлию. Кир и Александр, Дарий и Ксеркс, Цезарь и Помпей – все они предпринимали чрезвычайно значимые в истории походы, но они не идут ни в какое сравнение с масштабом кампаний, проходивших в восточной части Азии. Западная цивилизация могла похвастаться достижениями в искусстве и науке, которым в Китае уделяли не столь много внимания, зато китайцы развивали историческую и критическую литературу, искусство этикета и административную систему, которой могла бы гордиться и Европа. Одним словом, история Дальнего Востока интересна не меньше истории Запада. Нужно лишь уметь читать ее.

Устранив тунгусов, Модэ обратил свое внимание на народ юэчжи, который счел за благо отойти дальше на юг и запад. Модэ отвоевал все спорные территории, аннексированные Мэн Тянем, и отодвинул границы своего государства далеко на восток, в направлении современных Калгана и Дзехола. Если учесть, что под командованием Модэ находилось войско в 300 000 солдат, можно предположить, что численность населения его государства оценивалась в то время приблизительно в такое же количество юрт. Все северные племена, жившие на берегах озера Байкал и реки Амур, находились под властью Модэ. Однако поскольку китайцы в то время ничего не знали об этих отдаленных племенах, мы лишь по обрывочным сведениям можем судить о том, что киргизы (в будущем «высокие телеги», или уйгуры), и племя орунчун (орочоны) были в числе народов, покоренных Модэ.

Хотелось бы сказать несколько слов и об административной системе хунну. Полный титул правителя звучал как «тенгри куду шаньюй», что означает «величайший сын неба». Слово «тенгри» и в тюркском, и в монгольском языках по-прежнему означает «небо», однако тюркские ученые пока не пришли к единому мнению по поводу слова «куду». Самое высокое после шаньюя положение занимали два чжуки-князя: один управлял востоком, другой западом, сам шаньюй управлял центральной частью империи кочевников. Китайцы говорят нам, что слово «чжуки» означает «мудрый», а поскольку восток и запад в китайском разговорном

языке являются эквивалентом левого и правого, китайцы в переводе обходятся без татарских слов и говорят «левый и правый мудрейшие правители». Из этих двоих восточный чжуки-князь был выше по положению и обычно являлся наследником трона. Затем шли левый и правый лули-князья, левый и правый великие предводители, левый и правый великие дуюи, левый и правый великие данху, а также еще несколько пар сановников. По положению левый лули-князь стоял выше правого чжуки-князя. Всего было двадцать четыре сановника, имевшие ранг «дека-хи– лиархов», то есть каждый из них имел право командовать десятитысячным войском. Правый и левый чжуки-князья, а также лули-князья образовывали «четыре рога». Затем шли три другие пары, именовавшиеся «шестью рогами». Все они были родственниками шаньюя. Возможно, «белый рог» Чингисхана и Великого Могола как-то связаны с административной системой хунну. Известно, что два великих данху занимались административной работой, а каждый из двадцати четырех офицеров первого ранга наделялся участком земли – пастбищем, а также имел право назначать своих собственных военачальников, командующих тысячей, сотней и десятком воинов. Супруга шаньюя имела титул яньчжи и могла быть избрана из трех-четырех крупных кланов, которые наряду с кланом шаньюя формировали аристократию государства. Нет необходимости перечислять все второстепенные титулы, уместно будет упомянуть лишь титул цугу, который, как

мы увидим позже, является связующим звеном между хунну и поздними тюрками. С наступлением каждого нового года шаньюй устраивал большое религиозное празднество в месте, которое китайцы называют Городом Дракона: очевидно, событие это было сродни монгольскому «курултаю» времен Марко Поло. В честь предков, неба, земли, духов и местных покровителей совершались жертвоприношения. Этот факт, вкупе с титулом шаньюй – «сын неба», – определенно указывает на общность религиозных идей татар и китайцев. Осенью устраивалось еще одно крупное собрание для своеобразной «переписи населения» и взимания налога с собственности и скота. Уровень преступности в государстве был чрезвычайно низок, и все имевшие место преступления рассматривались на одном или обоих великих собраниях. В это же время проводились конные скачки и состязания на верблюдах, проходившие под покровительством шаньюя. За преступление против человека самым распространенным наказанием была смертная казнь или перелом щиколотки, а за преступления против собственности, в качестве компенсации ущерба, членов семьи преступника продавали в рабство. Каждое утро шаньюй приветствовал солнце, а вечером выполнял тот же ритуал по отношению к луне. Как и у китайцев, восточная или левая сторона были наиболее почетными. Стоит, однако, отметить, что в некоторых текстах говорится противоположное, а именно что самой почетной являлась правая сторона. В связи с этим приводит в замеша-

тельство утверждение, что шаньюй восседал, обратившись лицом к северу, в то время как нам известно, что китайские императоры сидели лицом к югу. Впрочем, с уверенностью можно утверждать, что из двух чжуки-князей левый чжуки-князь считался более почетным. Нельзя не упомянуть о суевериях, связанных с положением солнца на небе и определенными днями календаря. Во всех важных предприятиях учитывались фазы Луны. Так, прибывающая Луна считалась благоприятной для начала дел, а убывающая Луна благоволила возвращающимся домой. По-видимому, личная храбрость в бою поощрялась тем, что воин получал в собственность все захваченное им имущество и людей, становившихся его рабами. Кроме того, в качестве особой награды воину, отрубившему голову врагу, даровался кубок с крепким напитком. В текстах также встречаются сомнительные упоминания о том, что, если воин выносил с поля битвы тело своего убитого друга, в качестве награды к нему переходила вся собственность погибшего. Говорится и о том, что за гробом шла процессия, состоявшая из слуг покойного, его жен и близких друзей (скорее всего, они выполняли роль плакальчиков, а не жертв, которые должны были быть погребены вместе с умершим, хотя Гиббон упоминает подобного рода жертвоприношения, совершаемые «белыми» гуннами из Согдианы; кроме того, этот обряд не был чужд и полутатарской династии Цинь). Вместе с умершим в могилу опускались ценные предметы, но традиции носить траур не было.

Место упокоения не отмечалось могильным холмом, плитой или деревом.

Теперь народ считал Модэ великим человеком, и он значительно упрочил свое положение, спася жизнь одного из лучших военачальников новой династии Хань, который сдал свою армию хунну вместе с одним из самых крупных приграничных городов на севере Шаньси. Основатель прославленной династии Хань, сам талантливый военачальник, только что расправился со своими основными соперниками и, не успев утвердиться на китайском троне (202 г. до н. э.), лично отправился освобождать другие крупные города области, которым в то время угрожали татарские орды. Зима была морозной и снежной, и почти четверть огромного китайского войска отморозила пальцы. Модэ не преминул воспользоваться удобным случаем и прибег к излюбленной тактике хунну. Притворившись побежденным, он отступил. 320-тысячная китайская армия, большую часть которой составляла пехота, не устояла перед искушением и начала преследовать войско Модэ, направляясь на север. Китайский император достиг хорошо укрепленного форта, находившегося менее чем в двух километрах от современного города Датун в провинции Шаньси, прежде чем туда прибыла основная масса его армии, на которую Модэ выпустил свое 300-тысячное отборное войско. Он окружил императора и на семь дней отрезал ему все пути сообщения с его армией. Должно быть, это было весьма красочное зрелище, если верить текстам, кото-

рые гласят, что белые, серые, черные и гнедые кони татар собрались в четыре соединения, по одному на каждую сторону света. Подобно Аттиле в битве при Шалоне, состоявшейся шестью веками позже, Модэ все же упустил великолепную возможность из-за страха попасть в ловушку. Тем временем китайцы воспользовались его нерешительностью, чтобы возволить императора. История не говорит нам, как именно это было сделано, но, судя по некоторым намекам, император и яньчжи вступили в подозрительные переговоры, в результате которых Модэ убедили открыть один участок осадной цепи. Император совершил удачный побег и вскоре присоединился к своей армии. На время Модэ оставил попытки завоевания новых территорий. К нему был направлен китайский посол, предложивший Модэ заключить брачный союз с женщиной знатного происхождения и посуливший ежегодные выплаты в виде кусков шелка, в том числе шелка для подбивки одежды, рисового вина и различных деликатесов. На роль посла был выбран тот, кто рекомендовал императору придерживаться этой разумной политики. Идея ее состояла в том, чтобы в будущем использовать отпрысков китайской яньчжи в интересах империи. Однако, как мы увидим, эта опасная дипломатия оказалась обоюдоострым оружием и через пятьсот лет возымела противоположный эффект – несколько императоров хунну взошли на китайский трон как единственные законные наследники.

На протяжении правления основателя династии Хань

Модэ продолжал совершать набеги, которые, впрочем, сдерживались из соображений ежегодных субсидий. В старости император Хань уподобился подкаблучнику Туманю и, околдованный чарами наложницы, чуть было не обошел законного наследника в пользу ее сына. Однако императрица, женщина по-мужски решительная, не только сумела посадить на трон своего сына, казнив при этом соперницу, но и сама, после смерти супруга, на протяжении десятилетия правила империей в качестве официально признанного монарха. Модэ, очевидно по подсказке одного из многочисленных китайских перебежчиков, находившихся у него на службе, направил вдовствующей императрице довольно непочтительное письмо с предложением руки и сердца. Это послание вызвало при императорском дворе большой переполох. Перед советниками императрицы стоял вопрос – отправить ли дерзкому Модэ голову его посла или же дать вежливый ответ. «Бравые» генералы не желали навлечь на себя гнев императрицы. Впрочем, она немного остыла, когда один осмотрительный старый государственный деятель напомнил ей, что народ на улицах до сих пор распевает песню о том, как ее покойному супругу едва удалось бежать из осажденного города. Модэ был направлен чрезвычайно дипломатичный ответ, в котором шаньюя благодарили за оказанную честь, но указывали на то, что состояние зубов и волос вдовы вряд ли внушит ему должные чувства. Кроме того, шаньюю были направлены два императорских экипажа и табун лоша-

дей. Модэ, по всей видимости устыдившись своего поступка, отправил императрице свои извинения вместе с табуном татарских лошадей. Мир и спокойствие не нарушались до 180 года до н. э., когда на трон взошел сын наложницы – император-философ Вэньди, Марк Аврелий китайской истории. Модэ, очевидно, решил, что восшествие на престол незаконнорожденного монарха – это благоприятный момент для возобновления опустошительных набегов. Старый владыка Кантона, китайский искатель приключений, правивший аннамитскими племенами, придерживался того же мнения. Однако при помощи вежливой, но твердой дипломатии Вэньди сумел усмирить обоих соперников. Его письма останутся в анналах истории как образцы изощренной дипломатической игры. В одном из своих посланий императору Модэ, воспользовавшись случаем, поведал, что ему удалось объединить под своей властью всех татар – или, как их называл Модэ, «все народы, стрелявшие из лука с лошади». Могуцеству юэчжи пришел конец, а три племени, жившие близ Тарбагатай, Лобнора и Сайрамнора, наряду с двадцатью шестью другими соседними государствами были значительно ослаблены. Другими словами, Модэ владел теперь территорией, которая до 1911 года принадлежала Китайской империи и находилась за пределами Великой стены, но за исключением Тибета. Модэ добавил, что если император не желает, чтобы хунну посягали на территорию за Великой стеной, то он не должен позволять китайцам подниматься на Вели-

кую стену. Кроме того, его послы, писал Модэ, не должны содержаться в заключении, их следует немедленно отправлять назад. Разумеется, надменность Модэ пришлась не по вкусу китайцам. Спешно было созвано несколько советов, призванных решить вопрос о военных действиях. Проблему решил сам китайский император – супруга отговорила его от военного похода. Вместо этого Модэ было направлено письмо, в котором император «осведомлялся о здоровье его величества шаньюя», а также богатые дары: великолепные одеяния, застежки, шпильки для волос, превосходные ткани и многое другое. Вскоре после этого, в 173 году до н. э., Модэ скончался. Он успешно правил своей империей на протяжении 36 лет. После него на трон взошел его сын Гиюй.

Глава 3

Период борьбы за власть с Китаем

Гиюю дали прозвище «Лаошань шаньюй». Узнав о его восшествии на престол, китайский император направил к нему принцессу, в свите которой был дворцовый евнух, или личный камергер. Этот человек был настроен против татар и их образа жизни и энергично протестовал против такого унижения. Император, однако, стоял на своем. Евнух стал ворчать, что хунну является «занозой в боку Китая». Но как только он достиг двора татарского владыки, то тут же отрекся от своего подданства и вскоре стал доверенным лицом шаньюя, к которому обратился со следующей речью: «Вся твоя орда едва ли сравнится числом с населением двух китайских префектур, но секрет твоего могущества кроется в твоей абсолютной независимости от Китая. Я замечаю все более возрастающее пристрастие к китайским товарам. Подумай, ведь одной пятой китайского богатства будет достаточно, чтобы купить всех твоих людей. Шелка и атласы и вполтину не так хороши, как войлок, лучше прочего подходящий для той жизни, которую ты ведешь, а лакомства из Китая не сравнятся с сыром и кумысом». Евнух продолжал наставлять шаньюя в финансовых премудростях, а также предложил направить китайскому императору письмо, которое следовало написать на табличке на одну пятую длиннее, чем прежде,

а конверт должен был поражать своими размерами. Евнух также дал шаньюю несколько советов по части титулования: «Великий шаньюй хунну, сын Неба и Земли, равный Солнцу и Луне и прочая, и прочая». Один из китайских посланников как-то осмелился критиковать татарский обычай презирать старых людей. «Когда китайская армия отправляется в поход, разве у родственников воинов не отбирают лучшее, чтобы обеспечить армию?» – спросил у него евнух. «Да». – «Что ж, – продолжал евнух, – война для татар – дело всей жизни: слабые и старые не в силах сражаться, поэтому лучшую пищу получают их защитники». – «Но отец и сын делят один шатер! – настаивал посланник. – Сын берет в жены свою мачеху, а брат женится на невестке. У хунну нет ни хороших манер, ни ритуалов». Евнух отвечал: «Обычай их в том, чтобы есть мясо и пить молоко своих стад и табунов, передвигающихся с пастбища на пастбище в зависимости от времени года. Каждый мужчина – искусный лучник, в мирные же времена он ведет жизнь простую и счастливую. Принципы управления государством просты. Отношения между правителем и его народом крепки и долговременны. Управлять государством – все равно что управлять одним человеком. И хотя сыновья берут в жены супруг братьев, делается это для того, чтобы удержать родственников в семье: обычай этот можно назвать кровосмешением, но он укрепляет клан. В Китае же сыновей и братьев нельзя уличить в кровосмешении (по крайней мере, номинально), но каков резуль-

тат? Отчужденность, неприязнь, разбитые семьи. Всем правит корысть и классовая вражда, одного человека превращают в раба ради того, чтобы другой вел роскошную жизнь. Пищу и одежду можно добыть только обрабатывая землю и разводя шелковичного червя. Обнесенные высокими стенами города призваны обеспечить личную безопасность. И вот во времена тревог люди не умеют обращаться с оружием, а в мирное время каждый существует сам по себе. И не говори больше ничего, ты – ограниченный человек, раб вещей! Что пользы в мишурном блеске твоей шляпы?» Подобный стиль языка (напоминающий о стиле фаворита Аттилы, римского перебежчика, вольноотпущенника Онегезия, обратившегося к помощнику посланника Приска с речью, обличавшей пороки Римской империи) употребляется всякий раз, когда китайские посланники критикуют татар.

Евнух говорит: «Вам, посланникам, следует поменьше разглагольствовать. Лучше следите за тем, чтобы мы в срок получали причитающееся нам: шелк наилучшего качества, шелк-сырец, рис и напитки». «Разговоры излишни, если к качеству поставляемых товаров нет претензий. Если же случится обратное, мы не станем тратить время на пустые разговоры, мы совершим набег на вашу территорию». Евнух сдержал свое слово: наставляя шаньюя и показывая ему, где сосредоточены истинные интересы хунну, он действительно стал занозой в боку Китая.

Просидев на троне без малого семь лет, Лаошань шаньюй

во главе 140-тысячного войска совершил набег на долину реки Цзин, текущей на юго-восток, к древней китайской столице в Южной Шэньси: его разведчики дошли почти до стен города Чжанъань, захватив бесчисленное количество людей и скота. Китайцы собрали все свои силы, чтобы изгнать захватчиков, но те, словно по мановению волшебной палочки, исчезали при приближении китайской армии. На протяжении нескольких лет Великая стена на всем ее протяжении поддерживалась в состоянии боеготовности. Наконец, стороны прибегли к дипломатическим переговорам, в ходе которых было установлено, что «вся территория к северу от Великой стены принадлежит лучникам, а территория к югу – шляпам и поясам» – или, как сказали бы римляне, «тогам».

Именно в правление Лаошаня юэчжи были окончательно изгнаны со своей древней территории, расположенной между озерами Лобнор и Кукунор. Они перешли великий Небесный хребет близ Кульджи, с боем проложив себе дорогу через территорию своих соплеменников – государство усуней, расположенное близ современных рек Кобдо и Или. Усуни также переселились из Ганьсу. Отсюда юэчжи, судя по всему, направились мимо Иссык-Куля и Ташкента к Аральскому морю. Повернув на юго-восток, они захватили государство тохаров. В течение некоторого времени их столица, как определили китайцы, находилась к северу от реки Окс (современная Амударья).

Последний из греческих правителей Бактрии, Гелиокл,

умер примерно в это время, а юэчжи и парфяне, судя по всему, поделили между собой его царство. Постепенно империя Юэчжи разрослась и достигла Памира, Кашмира и Пенджаба. Забыв о кочевом образе жизни, юэчжи создали мощное государство, известное на Западе как империя хайталов, абдалов, эфталитов, или гефталитов. Европейские, персидские и китайские авторы в этом вопросе единодушны. Фактически, история государства, которым правила Маньчжурская династия, гласит, что сегодняшний Афганистан – это Ифтах V века, а Ифтах – это территория юэчжей. Их соплеменников, живших близ Кобдо, идентифицировать не так легко. Основываясь исключительно на сходстве звуков, некоторые европейские ученые называют этот народ евсениями, другие – эдонами. Китайские исследователи выдвинули версию о том, что это были русские. Эта теория абсурдна, правда лишь в том, что современная Фергана в древности была частью государства усуней. Как бы ни назывался этот народ, упоминания о нем вскоре исчезли из китайских документальных источников, и он никогда не оказывал сколько-нибудь существенного влияния на историю Китая. Этот вопрос уместно будет обсудить, когда мы перейдем к рассмотрению взаимоотношений Китая со странами, расположенными к западу от Памира. Теперь же отметим только, что именно Лаошань сокрушил могущественное государство Юэчжи и по древнему татарскому обычаю сделал из черепа их царя кубок.

В 162 году до н. э. Лаошаня на троне сменил его сын Гюнь-

чень. Евнух и при новом шаньюе занимал пост советника, поэтому неудивительно, что набеги на Китай продолжались. После кончины императора Вэньди положение Китая осложнилось – то и дело вспыхивали междоусобные конфликты как внутри страны, так и в приграничных районах, а один из внуков основателя династии даже вероломно вступил в союз с гуннами. Однако император Цзинди поощрял пограничную торговлю, направил новому шаньюю щедрые дары и предложил взять в жены принцессу. Результатом этой примиренческой политики стало то, что за 16 лет правления Цзинди количество пограничных конфликтов сократилось, а набеги стали не столь масштабными. Это благоприятное положение дел могло бы длиться бесконечно, и два народа со временем научились бы жить в мире друг с другом, если бы не вмешались советники юного императора Уди. Вскоре после своего восшествия на престол (140 год до н. э.) он совершил вероломный поступок. А случилось это так. Пограничная торговля между двумя народами процветала, и число пунктов для перехода границы множилось. Однажды некоего китайского торговца направили к хунну с предложением сделать одним из таких пунктов город Мачжэн, или «Лошадиный город», – место, которое всегда было одним из самых оспариваемых пограничных пунктов. Этот город находился недалеко от того места, где шестьдесятю годами ранее Модэ чуть не захватил в плен основателя династии. План состоял в том, чтобы заманить шаньюя в труднодоступ-

ное место, там избавиться от него и его армии, устроив всеобщую резню. С этой целью император поставил в засаду 300 000 воинов, поджидавших прибытия татар. Шаньюй, чья жадность при мысли о возможности разграбления столь богатого города лишь возросла, отправился в поход и перешел Великую стену со 100-тысячным войском. Он находился в 50 километрах от «Лошадиного города», когда вдруг заметил, что стада пасутся на равнине сами по себе и поблизости нет ни одного пастуха. Это вызвало у шаньюя некоторые подозрения. Он направился к ближайшей китайской сторожевой башне и захватил в плен стража, который ради спасения своей жизни рассказал о заговоре. Шаньюй не стал терять времени и поспешно отступил. Таким образом, план китайцев провалился, а разработавший его военачальник покончил жизнь самоубийством. Страж, который так своевременно оказался на пути шаньюя, был удостоен титула «принц, посланный богом» и получил высокую должность при дворе шаньюя. В результате, хотя пограничная торговля и продолжалась, поскольку это было в интересах обеих сторон, набеги на китайскую территорию участились и хунну уже не пытались скрывать свои враждебные действия. Напротив, хунну открыто объявили, что это возмездие за предательство китайцев. В течение последующих лет шла непрекращающаяся война, повлекшая за собой военные кампании с китайской стороны и ответные жестокие набеги со стороны хунну. Подробное изложение событий представляет собой доволь-

но скучное повествование. Достаточно будет сказать, что к моменту смерти Гюньчентя в 127 году до н. э. положение дел чрезвычайно осложнилось. После Гюньчентя трон перешел к его младшему брату Ичисйе, узурпировавшему власть и передавшему законного наследника – сына покойного шаньюя – в руки китайцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.